

зняття зліпків задля отримання своєрідних моделей робочих частин інструментів, якими ці елементи наносилися.

У випадках, коли останнє неможливе: випадків взаємоперекривання об'єктів не трапляється, а хроноіндикатори відсутні, навіть “перехресна перевірка” складів керамічних наборів та спостережень щодо орнаментативних представлених в цих наборах фрагментів дозволяє вибудувати певну шкалу динаміки розвитку.

Опрацювання за зазначеною схемою матеріалів синхронних та діахронних пам'яток має дати цікаві результати, адже лише за методичної подібності дослідних процедур, спрямованих на створення достатньо дробних періодизаційно-хронологічних шкал розвитку системи орнаментативних керамічних посудин для кожної конкретної пам'ятки, можна буде здійснити коректний порівняльний аналіз. В такому разі йтиметься про статистичне переважання тих чи інших типів та композицій орнаменту на пам'ятці або у регіоні в цілому на доволі вузьких хронологічних етапах. Це, у свою чергу, зробить більш адекватними припущення щодо взаємовпливів орнаментальних традицій, а отже – й напрямків зв'язків між окремими громадами або ж більшими групами давнього населення.

Статистична обробка, картографування орнаментів дозволить виявити стійкі сполучення типів та композицій орнаментів. Подібна інформація дозволить повноцінно спів ставляти матеріали різних територій, а отже – адекватно визначати зв'язки, впливи тощо.

Список використаних джерел

1. Русанова И.П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. – М. : Наука, 1968. – С. 143–150.
2. Русанова И.П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории древлян // Советская археология. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. – № 4. – С. 33–46.
3. Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. – М. : Наука, 1973. – 100 с.
4. Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. – К. : Наукова думка, 1980. – 150 с.
5. Михайлина Л.П. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. – К. : Інститут археології НАН України, 2007. – 300 с.
6. Тимошук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. – К. : Наукова думка, 1976. – 176 с.
7. Винников А.З. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. – Москва, 1978. – С. 55–61.
8. Сухобоков О.В., Юренко С.П. Орнаментация волынцевско-роменского керамического комплекса // Проблемы происхождения та исторического развития слов'ян. – Київ–Львів, 1997. – С. 161–175.
9. Коваленко О.В. Про орнаментативну посуду роменської культури з Полтави // АЛЛУ. – 2001. – № 1. – С. 77–80.

References

1. Rusanova Y.P. O keramike rannesrednevekovykh pamyatnikov Verkhnego i Srednego Podneprovya // Slaviane i Rus. – M. : Nauka, 1968. – S. 143–150.
2. Rusanova I.P. Arheologicheskie pamjatniki vtoroj poloviny I tysjacheletija n.e. na territorii drevljan // Sovetskaja arheologija. – M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – № 4. – S. 33–46.
3. Rusanova Y.P. Slavianskie drevnosti VI–IX vv. mezhdnu Dneprom i Zapadnym Bugom. – M. : Nauka, 1973. – 100 s.
4. Prykhodnyuk O.M. Arkheolohichni pamiatky Serednoho Prydniprov'ya VI–IX st. n.e. – K. : Naukova dumka, 1980. – 150 s.
5. Mykhailyna L.P. Sloviany VIII–X st. mizh Dniproem i Karpatamy. – K. : Instytut arkeolohii NAN Ukrainy, 2007. – 300 s.
6. Tymoshchuk B.O. Sloviany Pivnichnoi Bukovyny V–IX st. – K. : Naukova dumka, 1976. – 176 s.
7. Vinnikov A.Z. Ornamentatsiya borshevskoi keramiki

// Drevnyaya Rus i slavyane. – Moskva, 1978. – S. 55–61.

8. Sukhobokov O.V., Yurenko S.P. Ornamentatsiia volyntsevskoro-romenskoho keramichnoho kompleksu // Problemy pokhodzhennia ta istorichnoho rozvytku slovian. – Kyiv–Lviv, 1997. – S. 161–175.

9. Kovalenko O.V. Pro ornamentatsiiu posudu romenskoj kultury z Poltavu // ALLU. – 2001. – № 1. – S. 77–80.

Doroshenko L. V., postgraduate student, the Faculty of History Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kiev), linka_nika@mail.ru

Researching of ornamentation of ceramic pottery of raykovecka culture: experiences and perspectives

Since the days of eneolit the most widespread findings for archaeological sites are the remains of ceramic vessels, based on various observations on which are made conclusions about the cultural, territorial and chronological groups. Information potential of ornamentation is quite wide, so the “vestigial principle” of analysis of ornamentation is unreasonable.

In article is examined informative opportunities of ornamentation, the possibility of expenditure of ornaments in dating. Is demonstrated different approaches of researchers to the analysis of ornaments of early medieval pottery, is displayed their conclusions. Made an attempt to elaborate the algorithm of analysis of ceramic pottery ornaments, in order to get the most comprehensive information and to be able to make an adequate assumptions about the mutual influence of ornamental traditions. Statistical analysis and mapping the ornaments will provide an opportunity identify the persistent combination of types and ornaments compositions. Such information will enable correlate materials of different areas to fully, and thus – to adequately define communications, influences and more.

Keywords: ornaments, raykovetska culture, analysis, approach, informative opportunities.

Дорошенко Л. В., аспірантка історического факультета, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), linka_nika@mail.ru

Исследования орнаментации керамической посуды райковецкой культуры: опыт и перспективы

Для археологических памятников начиная, по крайней мере, с эпохи неолита наиболее массовыми находками являются остатки керамических сосудов, на основании различных наблюдений над которыми делаются выводы о культурно-территориальных и хронологических группах. Информационный потенциал орнаментики довольно широкий, поэтому “остаточный принцип” её анализа неоправдан.

В статье рассмотрены информационные возможности орнаментики, возможность использования орнаментов при датировке. Продемонстрированы подходы различных исследователей к анализу орнаментики раннесредневековой керамики, показано к каким выводам они приходили, изучая декорирование сосудов. Предпринята попытка выработки алгоритма анализа орнаментики керамических сосудов, чтобы получить максимально исчерпывающую информацию, иметь возможность делать адекватные предположения о взаимовлияниях орнаментальных традиций. Статистическая обработка, картографирование орнаментов позволит выявить устойчивые сочетания типов и композиций орнаментов. Подобная информация позволит полноценно сопоставлять материалы разных территорий, а, следовательно – адекватно определять связи, воздействия и т.д.

Ключевые слова: орнаментика, райковецкая культура, анализ, подход, информативные возможности.

* * *

УДК 930(47+57):902 Генинг В.Ф.

Палиенко С. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Киевский университет туризма экономики и права (Украина, Киев), svpaliy777@gmail.com

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ В. Ф. ГЕНИНГА “ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУКИ В АРХЕОЛОГИИ” НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ ЛОИА АН СССР: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ФАКТЫ

Дискуссия об определении объекта и предмета археологии длилась в СССР с 1972 по 1992. Однако практически ничего не известно о рассмотрении этой проблемы в научных коллективах, так как все историографические работы выполнены только на основе опубликованных источников. Поэтому будет актуальным исследовать по архивным материалам обсуждение на методологическом семинаре Ленинградского отделения Института археологии АН СССР первой специальной монографии – книги В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии”.

На заседании 4 апреля 1984 года с докладами выступили Г.С. Лебедев и Е.М. Колпаков. В обсуждаемой книге имелись замечания о несоответствии

концепции “строгой археологии” марксизму и близости к западным теориям, что могло иметь негативные последствия для их учителя – Л.С. Клейна из-за обострения в начале 1980-х обстановки в СССР. Поэтому они не совсем корректно пытались оправдать свою концепцию и перенести все обвинения на оппонента. Данный эпизод дискуссии иллюстрирует влияние внешней среды на процесс развития науки.

Ключевые слова: археология, методологический семинар, Генинг.

(статья друкється мовою оригіналу)

В 2014 году исполняется 90 лет со дня рождения В.Ф. Генинга – основателя Свердловской археологической школы и создателя киевского центра теоретической археологии. Одной из наиболее обсуждаемых советскими археологами–теоретиками тем было определение объекта и предмета археологии. Дискуссия по этой проблеме длилась в СССР с 1973 по 1992 гг., и ее, по мнению автора, можно разделить на два периода:

– 1973–1983 – выработка первичных концепций советскими исследователями, обсуждение их на семинарах, конференциях и в печати [2; 5; 6; 10; 12; 13; 16; 21; 22; 24];

– 1983–1992 – выход первой специализированной монографии по проблеме [7], дискуссия о предмете археологии на страницах журнала “Советская археология”, основными участниками которой были Л. Клейн, В. Генинг, Ю. Захарук, обсуждение ряда концепций других исследователей [3; 4; 8; 9; 11; 14; 15; 17; 18].

Что касается изучения самой дискуссии, то она лишь в общих чертах рассматривалась в некоторых публикациях Л.С. Клейна [19, с. 58–59; 25, с. 63–66; 26, с. 97–98]. Правда, сам Лев Самуилович был непосредственным ее участником, поэтому его виденье ситуации несколько субъективно, как и его оценки деятельности оппонентов. Второй этап дискуссии был проанализирован автором в отдельной статье [23]. В частности, был сделан вывод, что данная дискуссия отображает переход советской археологии на методологические основы неопозитивизма, но повторное рассмотрение проблемы объекта и предмета археологии все еще остается актуальным, так как аргументы одной из сторон так и не были критически проанализированы [23, с. 94]. Спустя 5 лет, хотелось бы внести некоторые уточнения. Так, правильное говорить не о неопозитивистской, а о неокантиантской основе концепции “строгой археологии”, что признал и сам Л.С. Клейн [19, с. 35]. И, если внедрение принципов марксизма в науку в 1930-е годы ознаменовалось появлением концепции социархеологии, то обратный процесс был обозначен становлением “строгой археологии” в 1970–1980-е, что связано с утверждением либеральной идеологии в позднем советском обществе.

Как видно, все исследователи занимались изучением данной дискуссии только на основе опубликованных источников, однако огромный пласт информации до сих пор остается “за кадром”. В частности, практически ничего не известно о ходе обсуждения данной проблематики в научных коллективах. Поэтому настоящая статья ставит своей целью на основании архивных материалов рассмотреть обсуждение книги В.Ф. Генинга на методсеминаре Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР, дав объяснение этим событиям.

Документы по этой теме находятся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, в частности там хранятся протоколы заседаний методологического семинара ЛОИА АН СССР с 1977 по 1987, в том числе и с материалами по интересующему нас событию [1, л. 17–34].

Также непосредственно к указанной теме относится и опубликованная Л.С. Клейном в своих мемуарах личная переписка с В.Ф. Генингом, имевшая место в 1991 году [20, с. 501–503]. Информация из этих источников существенно дополняет картину дискуссии, позволяя пролить свет на неизвестные ранее аспекты.

Согласно протоколу, на заседании методологического семинара ЛОИА АН СССР 4 апреля 1984 года состоялось обсуждение книги В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии”. Были заслушаны доклады Г.С. Лебедева “Основные принципы строгого научного исследования (по поводу книги В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии)” и Е.М. Колпакова “В.Ф. Генинг “Объект и предмет науки в археологии””. В обсуждении приняли участие Л.С. Клейн, В.А. Боряз, В.С. Бочкарев, А.Е. Матюхин. Всего на заседании, согласно списку, присутствовало 56 человек из нескольких научных учреждений Ленинграда [1, л. 35].

В докладе Г.С. Лебедев указывает свои замечания к книге В.Ф. Генинга:

1) В.Ф. Генинг исходит из отождествления задач археологии и социологии, что ведет к социологическому схематизму, а его концепция представляет собой новую редакцию методологии 1930-х гг., своего рода “неосоциологизм”, в какой-то мере – “неостадиализм”;

2) в конечном итоге предложенная замена артефактов в качестве объекта археологии на “мысленную модель общества”, основывается на субъективно идеалистических посылах, так как объективно данная реальность подменяется ее идеальным, мысленным отражением.

Далее Г.С. Лебедев коротко формулирует основные положения “строгой археологии”, основная задача которой сводится к “переводу” археологической информации, но не непосредственно в социологическую, как это, по его мнению, предлагает В.Ф. Генинг, а, прежде всего, в более широкую, конкретно–историческую. Так как только на основе конкретной истории конкретных обществ, относящихся к определенной эпохе социально–экономической формации, может быть получена социологическая характеристика этой формации.

При этом Г.С. Лебедев сделал важное замечание, указав, что “ископаемая культура” не тождественна живой культуре древнего общества. Он отметил, что, так как процедура исследования вплоть до идентификации включительно построена на строгой последовательности процедур и системе понятий, а описанный в виде последовательности археологических культур исторический процесс включается в конкретно–историческую характеристику “эпохи социально–экономической формации”, то, следовательно, на всех уровнях исследования от артефакта до идентификации культуры с реальной исторической общностью, исследование с позиций

“строгой археологии” строится на методологии исторического материализма. И так как примет “социологической модели” обоснован В.Ф. Генингом с позиций субъективного идеализма, противостоящая его концепции “строгая археология” является более последовательной реализацией принципов исторического материализма в археологическом исследовании [1, л. 18–20].

Е.М. Колпаков в своем докладе также высказал замечания по поводу книги В.Ф. Генинга. Кратко их суть можно свести к следующему:

1) предложенные В.Ф. Генингом постулаты археологии не являются аксиоматическими положениями, они, за исключением первого, характерны не только для советской археологии, но и для зарубежной, в то время как не все советские археологи их разделяют, кроме того, автор в начале постулирует в качестве априорных положений то, что затем обосновывает и доказывает на протяжении всей книги;

2) В.Ф. Генинг не вспомнил срочную археологию и этноархеологию, а при разборе советских концепций предмета и объекта археологии не учел точки зрения А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича, хотя ссылка на их работы есть;

3) в предмет включено только “историческое развитие социальных структур”;

4) в книге отождествляются этнос и археологическая культура, а также обойден вопрос о синтезе источников в реконструкции прошлого и то, какими методами должен осуществляться такой синтез;

5) путаница в понятиях и не совсем удачные формулировки: путаница с термином “артефакт”; выбирается одно определение культуры из нескольких, а потом и вовсе от него отказываются;

6) точка зрения Генинга аналогична подходу Бинфорда: предметный мир – основа для изучения прошлого общества.

Кроме того, по первому постулату В.Ф. Генинга “Археология как наука об обществе изучает конкретно-исторический процесс, опираясь на учения об общественно-экономических формациях – категории, которая является в марксистской концепции исторического развития ключевой, определяющей материалистическое понимание истории” [7, с. 38], Е.М. Колпаков сделал следующее замечание: “Думаю, что нам будет очень неприятно встретить в какой-нибудь зарубежной работе утверждение, со ссылкой на В.Ф. Генинга, что сами советские ученые признали, наконец, априорность исторического материализма и его принципиальную недоказуемость” [1, л. 24].

В конце докладчик делает вывод: “Таким образом, крайне сомнительно, чтобы подобные попытки рассматривать вещественную культуру как отдельный компонент социальной системы, оказались полезными в деле реконструкции прошлого древних обществ” [1, л. 21–34].

На заседании методсеминара состоялось и обсуждение этих докладов. К большому сожалению, в протоколе не отражено содержание выступления Л.С. Клейна, но можно предположить, что оно нашло отражение в статье Л.С. Клейна в “Советской археологии” [17].

В.А. Боряз отметил, что при обсуждении книги Генинга развернулась вся цепь позиций в археологии, а участники признали связь исторического процесса с материальной культурой. Кроме того, по его мнению, не стоит навешивать ярлыки на оппонента [1, л. 17].

В.С. Бочкарев подчеркнул аргументированность Клейна, отметив, что книга полезна, ведь 99% археологов думают так, как изложил Генинг, но это своего рода памятник прошлых лет.

Он также заявил: “Хотя я и приписан к “банде 4-х” (Клейн, Лебедев, [Бочкарев, Григорьев]). Я не отрешиваюсь, но у меня другое мнение. Не считаю археологию исторической наукой, а считаю её культурологической. Наши исходные понятия “артифакт”. Для нас история не так важна, как важна этнография. Керамика – это не исторический материал, а культурологический. И последнее рассуждение о предмете спора носит схоластический характер. Мы не должны спешить с выводами о предмете науки “археология”. Упрек к книге Генинга можно предъявить в том, что не использовал иностранную литературу” [1, л. 17].

Еще один участник методсеминара – А.Е. Матюхин в своем выступлении отметил: “Представить исторический процесс через письменные источники нельзя просто так, над ними нужно работать. Исходя из источников, в объект нужно включить последнюю задачу – изучение исторического процесса. <...> Науки, которая будет синтезировать данные археологии, почти еще нет, по крайней мере, в СССР. Я думаю, что этим должны заниматься мы” [1, л. 17об].

Таким образом, можно заключить, что доклады, заслушанные на заседании методсеминара ЛОИА АН СССР 4 апреля 1984, были ответом представителей “строгой археологии” или “культурархеологии”, по терминологии В.Ф. Генинга, на критику взглядов этого направления, высказанную в обсуждаемой книге. При этом можно констатировать, что большинство выступавших, по крайней мере, согласно протоколу заседания, составляли как раз представители “строгой археологии” – Л.С. Клейн и его ученики, хотя также выступали и люди с альтернативными взглядами. Стоит отметить, что критики, кроме действительно конструктивных замечаний, активно “навешивали ярлыки” на своего оппонента, в том числе и идеологического содержания, иногда, даже искажая его взгляды.

Например, как было показано выше, Г.С. Лебедев, описывая основные принципы “строгой археологии”, указал, что ее основная задача – “перевод” археологической информации в более широкую, конкретно-историческую, а не непосредственно в социологическую, как это якобы предлагает В.Ф. Генинг, и далее обвиняет оппонента в субъективном идеализме (сразу почему-то напрашиваются аналогии с дискуссиями начала 1930-х – С.П.). По этому поводу стоит заметить, что В.Ф. Генинг никогда в своих публикациях не ратовал за прямой перевод археологической информации в социологическую, как это пытались делать стадиалисты в 1930-е. Более того, в его книге “Объект и предмет науки в археологии” есть схема соотношения уровней, целей, задач и методов археологического познания [7,

с. 205], в которой прямо указывается, что цель познания на 1 и 2 этапах теоретического уровня археологического познания – реконструкция конкретно-исторического развития отдельных обществ прошлого, и только на 3-м этапе – определение ступени формационного развития конкретных обществ прошлого.

Критикуя концепции своих оппонентов, В.Ф. Генинг во много был прав. Так, он справедливо считал, что взгляды Л.С. Клейна не являются марксистскими. Намного позже тот сам в этом признался:

“Я начал с юношеского отвержения марксизма (еще в школе сколотил подпольную организацию либерального толка “Прометей”), затем был короткий период увлечения марксизмом, а потом еще на студенческой скамье, это сменилось критикой марксизма, все более глубоко заходящей. Дальше моя самоидентификация оставалась марксистской только внешне и была настолько ограниченной, насколько это было допустимо, чтобы сохранить возможность работать в университете” [19, с. 33–34].

“Конечно, было необходимо заявлять, что я марксист, но я рассматривал марксизм как лишь один из видов инструментария в моем методологическом арсенале” [20, с. 301].

Также В.Ф. Генинг указывал на сходство концепций представителей “культурархеологии” с теоретическими разработками некоторых западных археологов. Хотя здесь, вместо М. Мальмера и Д. Кларка, следовало упомянуть, в первую очередь И. Рауза. Так, в разделе своей книги, посвященном функциям археологической теории, Л.С. Клейн уже в 2000-е пишет: “Для него [Бинфорда – С.П.] оба этапа познания – познание источников и познание прошлого – есть археология, но для Рауза, как и для меня <...>, они должны быть разделены. Археология – это наука, изучающая материальные древности как источники познания далекого прошлого, а изучение самого прошлого по отпрепарированным источникам есть палеоистория (преистория и древнейшая история). Археология изучает не культурно-исторический процесс, а источники для постижения этого процесса, при том лишь один вид источников – материальные” [19, с. 306–307].

Однако правильное говорить не о неопозитивистской основе концепции “чистой археологии”, как об этом писал В.Ф. Генинг, а о неокантиантской, в чем признался и сам Л.С. Клейн:

“От Гегеля марксизм заимствовал не только диалектику, но и казенный дух прусской государственности как идеала. Противоядием против такого гегельянства и марксизма мне послужило увлечение неокантианством. Я познакомился сначала не с произведениями Виндельбанда и Риккерта, а с их марксистской критикой. Но уже этого было достаточно, чтобы на меня произвела впечатление критикуемая концепция. Разъяснение специфики гуманитарного знания, новый (по сравнению с Конттом и Энгельсом) взгляд на классификацию наук, на соотношение в них факта с законом дали мне опоры вне марксизма” [19, с. 35].

Тут необходимо учитывать историческую обстановку. Книга В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии”, содержащая критику концепций

представителей “строгой археологии” вышла 1983 году. Л.С. Клейн только освободился из лагеря, где отбыл наказание по сфабрикованному обвинению. Он был лишен научного звания и степени, а также возможности преподавать. Международная обстановка обострилась – происходил очередной виток холодной войны. СССР возглавил Ю.В. Андропов. (Рассматриваемое заседание методсеминара состоялось всего лишь через 2 месяца после его смерти, хотя планировалось и готовилось заранее). Обвинение в антимарксистских взглядах и аналогии с западными концепциями могли быть чреваты для Л.С. Клейна в период “закручивания гаек”. Поэтому доклады представителей “строгой археологии” были направлены в первую очередь на то, чтобы “обелить” концепцию и перевести все обвинения на оппонента. Отсюда тон критики и “навешивание ярлыков”, о котором говорил один из выступавших, и попытки перекрутить взгляды оппонента, хотя некоторые замечания, позже высказанные в печати, действительно были по делу, и В.Ф. Генинг их учел в дальнейших своих разработках. Всё это определило и тон статьи Л.С. Клейна, поданную для публикации в “Советскую археологию” [17], с которой началась дискуссия в печати.

Об этом позже в письме от 10 мая 1991 Л.С. Клейн напишет В.Ф. Генингу:

“В 80-е годы я был обижен и загнан в угол: только я вышел из лагеря, лишенный всех титулов и возможности работать (не брали даже сторожем), да еще и новое дело было начато – по обвинению в убийстве, а тут и Ваша книга подоспела, где черным по белому написано, что мои воззрения не согласуются с марксизмом. А что это значило в 1983 г. и в тех обстоятельствах, да еще в романовском Ленинграде? Я ведь и отвечать не мог – не печатали. Словом, я счел, что это крайне не элегантно” [20, с. 501].

Таким образом, обсуждение книги В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии” на заседании методологического семинара ЛОИА 4 апреля 1984 года было ответом представителей “строгой археологии” на критику их концепции. На характер дискуссии и основные аргументы во многом повлияла внешняя среда – обострение внутренней и внешней обстановки в СССР при Ю.Н. Андропове. Содержащиеся в книге справедливые замечания В.Ф. Генинга, что основные постулаты концепции представителей культур археологии противоречат марксизму и близки к западным теориям, могли иметь негативные последствия для Л.С. Клейна, недавно освободившегося из мест лишения свободы. По этой причине его ученики – Г.С. Лебедев и Е.М. Колпаков в своих докладах всячески старались показать соответствие “строгой археологии” историческому материализму и перенести все обвинения на оппонента, приписывая субъективный идеализм его взглядам. Это обстоятельство во многом определило и тон последующей дискуссии об объекте и предмете археологии на страницах журнала “Советская археология”. Поэтому данный эпизод – дискуссия на заседании методсеминара ЛОИА АН СССР является хорошей иллюстрацией влияния внешней среды – состояния общества на процесс развития науки.

Список использованных источников

1. Протоколы №1–5 заседаний методсеминара ЛОИА // РА

ИИМК РАН. – Ф. 312. – Оп. 1. – Ед. хр. № 1346. – 55 л.

2. Аникович М.В. Первобытная археология – конкретная историческая наука (к постановке проблемы) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы Симпозиума ЛОИА АН СССР. – Л., 1975. – С. 14–18.

3. Аникович М.В. “Три уровня археологического исследования” или три ступени исторического познания? // СА. – 1988. – № 1. – С. 218–224.

4. Башилов В.А., Лооне Э.Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА. – 1986. – № 3. – С. 192–208.

5. Бочкарев В.С. К вопросу о структуре археологического исследования // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 56–60.

6. Генинг В.Ф. Объект и предмет археологии (к вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровня знаний в современной археологии) // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докладов. – Ч. III. – К., 1975. – С. 14–17.

7. Генинг В.Ф. Объект и предмет в науке археологии. – К.: “Наукова думка”, 1983. – 220 с.

8. Генинг В.Ф. Археология – целостная научная система или “дилетантские вылазки”, “полуфабрикат знания” // СА. – 1989. – № 3. – С. 215–227.

9. Генинг В.Ф. О стиле дискуссии Л.С. Клейна // РА. – 1992. – № 4. – С. 257–259.

10. Генинг В.Ф., Викторова В.Д. О предмете археологической науки // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск, 1977. – С. 3–9.

11. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // СА. – 1991. – № 2. – С. 111–114.

12. Григорьев Г.П. О предмете археологии // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 41–43.

13. Захарук Ю.Н. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 43–46.

14. Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. – 1989. – № 3. – С. 207–214.

15. Захарук Ю.Н. К дискуссии о статусе археологии // РА. – 1992. – № 4. – С. 97–101.

16. Клейн Л.С. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 3–14.

17. Клейн Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга “Объект и предмет науки в археологии”) // СА. – 1986. – № 3. – С. 209–219.

18. Клейн Л.С. В защиту “чистой археологии” // СА. – 1991. – № 2. – С. 102–109.

19. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. – С-Пб.: Бельведер, 2004. – 472 с.

20. Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. – С-Пб.: Нестор-История, 2010. – 724 с.

21. Лебедев Г.С. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы Симпозиума ЛОИА АН СССР. – Л., 1975. – С. 56–58.

22. Массон В.М. Археология за бортом гуманитарии (некоторые зарубежные теории и вопрос о предмете археологической науки) // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 46–49.

23. Палиєнко С.В. Дискусія щодо статусу археології в радянській науці (друга половина 80-х – початок 90-х рр.) // Часопис української історії. – 2009. – Вип. 11. – С. 90–95.

24. Рогачев А.Н. О предмете и методе первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы Симпозиума ЛОИА АН СССР. – Л., 1975. – С. 11–14.

25. Klejn L.S. Das Phänomen der sovjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. – 412 s.

26. Klejn L.S. Soviet archaeology: schools, trends, and history. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 411 p.

Simpoziuma LOIA AN SSSR. – L., 1975. – S. 14–18.

3. Anikovich M.V. “Tri urovnja arheologicheskogo issledovanija” ili tri stupeni istoricheskogo poznanija? // SA. – 1988. – № 1. – S. 218–224.

4. Bashilov V.A., Loone Je.N. Ob urovnjah issledovanija i poznavatel'nyh zadachah arheologii // SA. – 1986. – № 3. – S. 192–208.

5. Bochkarev V.S. K voprosu o strukture arheologicheskogo issledovanija // TD SPIPAI 1972 goda v SSSR. – Tashkent, 1973. – S. 56–60.

6. Gening V.F. Ob#ekt i predmet arheologii (k voprosu o sootnoshenii jempiricheskogo i teoreticheskogo urovnja znaniy v sovremennoj arheologii) // Novejschie otkrytija sovetskikh arheologov: Tez. dokladov. – Ch. III. – K., 1975. – S. 14–17.

7. Gening V.F. Ob#ekt i predmet v nauke arheologii. – K.: “Naukova dumka”, 1983. – 220 s.

8. Gening V.F. Arheologija – celostnaja nauchnaja sistema ili “diletantskie vylazki”, “polufabrikat znaniya” // SA. – 1989. – № 3. – S. 215–227.

9. Gening V.F. O stile diskussii L.S. Klejna // RA. – 1992. – № 4. – S. 257–259.

10. Gening V.F., Viktorova V.D. O predmete arheologicheskoy nauki // Material'naya i duhovnaya kul'tura finno-ugrov Priural'ya. – Izhevsk, 1977. – S. 3–9.

11. Grazhdannikov E.D., Holjushkin Ju.P. Sistemnoe reshenie voprosa o statuse arheologii kak nauki (k diskussii o predmete arheologii) // SA. – 1991. – № 2. – S. 111–114.

12. Grigor'ev G.P. O predmete arheologii // TD SPIPAI 1972 goda v SSSR. – Tashkent, 1973. – S. 41–43.

13. Zaharuk Ju.N. K voprosu o soderzhanii i strukture arheologicheskoy teorii // TD SPIPAI 1972 goda v SSSR. – Tashkent, 1973. – S. 43–46.

14. Zaharuk Ju.N. Arheologija: nauka istoricheskaja ili istochnikovedcheskaja? // SA. – 1989. – № 3. – S. 207–214.

15. Zaharuk Ju.N. K diskussii o statuse arheologii // RA. – 1992. – № 4. – S. 97–101.

16. Klejn L.S. Predmet arheologii // Arheologija Juzhnoj Sibiri. – Kemerovo, 1977. – S. 3–14.

17. Klejn L.S. O predmete arheologii (v svyazi s vyhodom knigi V.F. Geninga “Ob#ekt i predmet nauki v arheologii”) // SA. – 1986. – № 3. – S. 209–219.

18. Klejn L.S. V zashhitu “chistoy arheologii” // SA. – 1991. – № 2. – S. 102–109.

19. Klejn L.S. Vvedenie v teoreticheskuyu arheologiju. Kniga I. Metaarheologija. – S-Pb.: Bel'veder, 2004. – 472 s.

20. Klejn L.S. Trudno byt' Klejnom. Avtobiografija v monologah i dialogah. – S-Pb.: Nestor-Istorija, 2010. – 724 s.

21. Lebedev G.S. Sistemnoe opisanie arheologicheskoy kul'tury // Predmet i ob#ekt arheologii i voprosy metodik arheologicheskikh issledovanij. Materialy Simpoziuma LOIA AN SSSR. – L., 1975. – S. 56–58.

22. Masson V.M. Arheologija za bortom gumanitarii (nekotorye zarubezhnye teorii i vopros o predmete arheologicheskoy nauki) // TD SPIPAI 1972 goda v SSSR. – Tashkent, 1973. – S. 46–49.

23. Palijenko S.V. Dyskusija shhodo statusu arheologii' v radjans'kij nauci (druga polovyna 80-h – pochatok 90-h rr.) // Chasopys ukrai'ns'koi' istorii'. – 2009. – Vyp. 11. – S. 90–95.

24. Rogachev A.N. O predmete i metode pervobytnoj arheologii // Predmet i ob#ekt arheologii i voprosy metodiki arheologicheskikh issledovanij. Materialy Simpoziuma LOIA AN SSSR. – L., 1975. – S. 11–14.

25. Klejn L.S. Das Phänomen der sovjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. – 412 s.

26. Klejn L.S. Soviet archaeology: schools, trends, and history. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 411 p.

Paliienko S. V., PhD, associate professor of the Department of social sciences and humanities of Kyiv University of tourism, economics and law (Ukraine, Kiev), svpaliy777@gmail.com

The discussion on V.F. Gening's book “Object and subject matter of science in archaeology” on the methodological workshop of LOIA AS USSR: circumstances and facts

The discussion on the definition of object and subject matter of archaeology took place in the USSR since 1972 till 1992. But nothing is known about this problem review by stuff of research institutions because all historiographic works were completed based on published sources. Therefore, it is actually to study the discussion on V.F. Gening's book “Object and subject matter of science in archaeology” is the

References

1. Protokoly №1–5 zasedanij metodseminara LOIA // RA ИМК РАН. – Ф.312. – Оп. 1. – Ед. хр. №1346. – 55 л.

2. Anikovich M.V. Pervobytnaja arheologija – konkretnaja istoricheskaja nauka (k postanovke problemy) // Predmet i ob#ekt arheologii i voprosy metodiki arheologicheskikh issledovanij. Materialy

first special monograph on the methodological workshop of Leningrad branch of Institute of Archaeology (LOIA) AS USSR on the base of archive materials.

G.S. Lebedev and Ye.M. Kolpakov made reports at the session on 4 April 1984. There were notes in Gening's book that "strong archaeology" concept did not correspond to Marxism and was closer to west theories. It could had negative consequences for their tutor Leo Klejn because a situation in the USSR became more acute on the beginning of the 1980s. Therefore they tried to justify their concept and to accuse the opponent. This episode of the discussion illustrates an influence of external environment on a process of science development.

Keywords: archaeology, methodological workshop, Gening's.

Палієнко С. В., кандидат історичних наук, доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін, Київський університет туризму, економіки і права (Україна, Київ), svpaliy777@gmail.com

Обговорення книги В.Ф. Генінга "Об'єкт і предмет науки в археології" на методологічному семінарі ЛОІА АН СРСР: обставини та факти

Дискусія щодо визначення об'єкту і предмету археології тривала в СРСР з 1972 по 1992. Проте практично нічого не відомо про розгляд цієї проблеми в наукових колективах, адже усі історіографічні роботи виконані тільки на основі опублікованих джерел. Тому буде актуальним дослідити за архівними матеріалами обговорення на методсемінарі Ленінградського відділення Інституту археології АН СРСР першої спеціальної монографії – книги В.Ф. Генінга "Об'єкт і предмет науки в археології".

На засіданні 4 квітня 1984 року з доповідями виступили Г.С. Лебедев та Є.М. Колпаков. У книзі, що обговорювалася, були зауваження щодо невідповідності концепції "строгой археології" марксизму і близькості до західних теорій, що могло спричинити негативні наслідки для їх вчителя – Л.С. Клейна через загострення на початку 1980-х обставини в СРСР. Тому вони не зовсім коректно намагалися виправдати власну концепцію і перекласти всі звинувачення на опонента. Даний епізод дискусії ілюструє вплив зовнішнього середовища на процес розвитку науки.

Ключові слова: археологія, методологічний семінар, Генінг.

* * *

УДК 575.8:633.63(093)

Сільченко І. В.

старший науковий співробітник, Національна наукова сільськогосподарська бібліотека НААН (Україна, Київ), i.silchenko@hv.kiev.ua

Член–кореспондент В. П. Зосимович ПРО ВИНИКНЕННЯ ТА РОЗВИТОК БУРЯКОЦУКРОВОЇ РОСЛИНИ

Представлено обговорення одного з розділів теорії еволюції диких видів і походження культурних буряків, розробленої знаним українським вченим – В.П. Зосимовичем, а саме: історичного аналізу виникнення і розвитку бурякоцукрової рослини за 3000-річний період на основі ґрунтового вивчення існуючих на той час літературних джерел. Це дало вченому змогу довести, що первинним осередком походження культурних буряків є Передня Азія.

Ключові слова: історія науки і техніки, В.П. Зосимович–вчений–генетик, буряки, виникнення, розвиток, історичний аналіз.

Історичні епохи в розвитку людського суспільства, що змінювали одна одну і вели його шляхом прогресивного розвитку, мали значний вплив на еволюцію культурних рослин, у тому числі й на буряки. Поступово добирались і розмножувались пріоритетні рослинні організми паралельно з послідовними змінами поверхні Землі, які викликали у рослин корисні для них удосконалення. Чарльз Дарвін писав: "Вимирання та природний добір в еволюції йдуть поряд". Особливу увагу цій проблемі приділили дослідники зі світовим ім'ям – К. Лінней, А. Декандоль, М. Вавилов, П. Жуковський, В. Красочкін, Кернер фон–Маріладі та інші.

Всебічні дослідження диких і культурних видів буряків, їх походження та еволюція, проблеми міжвидової несумісності та створення міжвидових гібридів були одним з напрямків наукової діяльності знаного українського вченого–генетика Володимира Павловича Зосимовича. Результати цих досліджень і

створена ним теорія еволюції видів та походження культурних буряків викладена ним у численних наукових працях і докторській дисертації "Эволюция дикой и культурной свеклы". Перш ніж розпочати вивчення зібраних у експедиціях матеріалів різних видів буряків і сформулювати свою теорію В.П. Зосимович на основі узагальнення існуючих літературних джерел здійснив аналіз історичного формоутворюючого процесу буряків за 3000 років.

Завданням даної статті було висвітлення і аналіз проведеного В.П. Зосимовичем дослідження про виникнення і розвиток бурякоцукрової рослини.

В роботі застосовані принципи історизму, достовірності та об'єктивності. Із методів – логічний, порівняльно–історичний, проблемно–історичний, які дали змогу дослідити виникнення, формування та розвиток подій у хронологічній послідовності.

Буряки відносять до давньої родини лободових (*Chenopodiaceae*), підродини *Cycolobaeae*, роду *Beta L.* На думку В.П. Зосимовича, ще у крейдяному періоді представники *Chenopodiaceae* заселяли Північну Африку, Аравію, Ірак, Середню і Центральну Азію. У боротьбі за виживання лободові пристосувались до посухи і спеки, засолених та каменистих ґрунтів. Назва роду *Beta L.* має римське походження і пов'язана з формою паростків, що нагадують грецьку літеру "β". Вихідні види цього роду виникли скоріш за все у крейдяному періоді, однак найбільш інтенсивне видоутворення, як вважав учений, відбувалося наприкінці третинного–початку четвертинного періодів [1, с. 40].

В.П. Зосимович у своїх працях зробив детальний історичний аналіз виникнення і розвитку бурякоцукрової рослини. Зокрема він зазначав, що вперше буряки згадуються у стародавніх працях, починаючи з VI–V ст. до н.е., коли ці рослини були описані поряд з редисом, ріпою та капустою. Ще тоді було помічено, що окремі рослини буряків різняться за величиною і формою кореня, його смаком, а також структурою листків. Згодом, у IV–III ст. до н.е. давньогрецький природознавець та філософ Д. Теофраст (371–286 рр. до н.е.) у своїй книжці "Дослідження рослин" писав, що він знає два види буряків, які називали "тевтліон" або "севкліон". Це були білокореневі листкові – "тевтліон", "левкон" та "чорні" – "тевтліон мелан". Теофраст зазначав, що корені буряків – кільчаті, як у "салери", листя соковите, м'ясисте [2, с. 73].

У давнину буряки були відомою овочевою рослиною, для їжі використовували м'ясисте соковите листя, з якого робили салати та додавали до страв. Гіркувато–солодкий смак листя та коренів диких і перших коренеплідних буряків привернув увагу і стародавніх лікарів. У давнину буряки славились своїми лікарськими властивостями.

Так, Гіпократ (460–310 рр. до н.е.) – відомий грецький лікар, вважав, що сік з кореня буряків послаблює, а сік з листя, закріплює шлунок.

Діоскорид (I ст. н. е.) – відомий римський лікар, грек за походженням, зазначав, що "чорний" буряк варений з сочевицею закріплює шлунок. Білий буряк для споживання кращий, буряковим соком з медом лікували вушні хвороби.